

КОРЕННЫЕ СЕВЕРЯНЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ

Давид Исумурович РАЙЗМАН,
доцент кафедры «Гуманитарных наук
и социального управления», Магадан-
ский институт экономики, г. Магадан.
E-mail: mgd@ime.ru

Автор дополнил известную тему новыми биографическими сведениями об участии аборигенного населения Северо—Востока России в боевых действиях против Германии и Японии в 1941—1945 гг., систематизировав публикации, материалы архивов, документы рабочей группы Магаданской областной Книги Памяти, воспоминания ветеранов войн. Но и подчеркнул, что названная тема не исчерпана и для дальнейших исследований представляет определённый интерес.

Ключевые слова: военкоматы Колымы и Чукотки, 2-я отдельная стрелковая бригада, Нагаевский сектор береговой обороны, 61-й морпогранотряд.

Indigenous North people in fighting actions against Germany and Japan.

D.I. Raizman, Assistant Professor, Chair “Humanitarian sciences and social management”, Magadan Institute of Economics, Magadan.

The author added a well-known theme with new biographical information on participation of aboriginal population of the North East of Russia in military actions against Japan and Germany in 1939—1945 as well as the author systematized publications, materials from archives, documents of work group of regional Memory Book and memoirs of war veterans. It is also mentioned that this subject to further studies.

Key words: military committees of Kolyma and Chukotka, the second separate shooting troop, Nagaevskiy sector of shore defense, the 61st marine border detachment.

Яркою страницу в летопись борьбы с фашизмом вписали и народности Северо-Востока России. Более 5 тысяч человек, представлявших 14 коренных северных народностей, участвовали в боях против Германии и Японии. Только в 117 стрелковых частях сражались 1372 человека, среди которых были воины 59 воинских специальностей: стрелки, разведчики, пулемётчики, артиллеристы, сапёры, снайперы, политработники. Свыше 6 % фронтовиков-северян имели офицерские звания, двое из каждых трёх были коммунистами, каждый четвёртый — комсомольцем [1].

Единой статистики призывников из числа представителей коренных народов Северо-Востока нет, поэтому наша задача состояла в выявлении и уточнении их биографических данных, конкретного участия в боевых действиях. По-разному уходили они на фронт. В предвоенные годы эскимосы острова

Врангеля заявляли: «Кто будет драться с советской властью, мы с ним тоже будем драться. А стрелять мы умеем так, что тюленю в глаз попадаем». Принятый в сентябре 1939 г. Закон «О всеобщей воинской обязанности» не распространялся на народности Севера, однако желание молодёжи Севера с оружием в руках защищать Родину было достаточно инициативным, и правительство пошло им навстречу. Осенью 1939 г. состоялся первый призыв коренных северян в ряды Красной Армии: в армию ушли студенты Института народов Севера, уроженцы Чукотки Н. Анкудинов и М. Вуквол, выпускник Читинского техникума связи О. Брагин.

Существует более 8 версий обстоятельств гибели талантливого чукотского юноши, мастера-костореза Вуквола [2]. Ссылаясь на ответ Главного управления кадров Министерства обороны СССР, журналистка О. Никитина сообщала об его участии в боях с белофиннами: «...направлен в действующую армию Смоленским РВК г. Ленинграда под Львов — Брестское направление, — утверждал проф. М. Воскобойников, «...служил в артиллерийском полку под Витебском перед самой войной», — сообщал писатель Ю. Рытхэу. Публикации периодической печати, архивные документы, хотя и неполно, дали сегодня возможность уточнить ряд военных биографий, в частности Вуквола.

Ю.С. Рытхэу среди своей почты обнаружил любопытное письмо от Н.В. Махно из Краснодара, проливающее свет на обстоятельства службы в армии Вуквола: «...звали мы его Мишей. Познакомились мы с ним в 1940 г. в Витебске. Там я служил кадровую службу в артиллерийском полку, работая при клубе художником. Там меня часто навещал Михаил Вуквол, рассказывал о своей учёбе в Ленинграде, в Институте народов Севера, откуда он был направлен к нам для прохождения армейской службы. Мы часто встречались в свободное время... Вуквол рассказывал о своих работах, о резьбе по моржовой кости. Он сообщил, что некоторые его работы экспонировались на московских и международных выставках. Вуквол произвёл на меня очень приятное впечатление как человек, как художник, который очень хорошо разбирался в искусстве. Миша был вежливым, тактичным, честным и отзывчивым товарищем...» [3]. Он переписывался из Витебска со своим учителем, преподавателем Института народов Севера, филологом П.Я. Скориком. Его письма были своего рода консультациями о характерных нюансах чукотского языка, с суждениями о звучании отдельных слов и смыслового их значения, что было ценным для П.Я. Скорика, автора первого «Русско-чукотского словаря», переводчиков и редактора книги.

Весной 1941 г. Вуквол гостил в семье П.Я. Скорика в Красном Селе под Ленинградом, находясь в пятидневном отпуске. Здесь-то и произошла последняя его встреча с братом Туккаем, работавшим тогда председателем Чукотского райисполкома. Сегодня известно, что Вуквол вернулся в воинскую часть, воевал с фашистами, об этом свидетельствуют его письма с фронта. «Фашисты прут напролом, а мы бьём их, гадов. Спать почти не приходится. А как засну не надолго — Уэлен наш вижу во сне. Только подумать, как он далёк теперь! Лаврентия. Как человек привыкает к своей родине! Потом всю жизнь никто не в состоянии заменить её. Чукотка, Россия! Как это звучит для меня!». В другом письме, написанном на орудийном лафете после боя, Вуквол сообщал брату о том, как их часть входила в отбитую от фашистов белорусскую деревню: «Остались только печные трубы да обугленные стены изб. Посреди бывшей деревни — виселица, сколочена наспех из нестроганных брёвен. Покачивает ветер

верёвочные петли. Этого никогда не забыть». Последнее письмо, полученное Туккаем от брата-фронтовика, содержало два карандашных наброска и просьбу показать рисунки художнику Онно из Чукотской культбазы в пос. Лаврентия. Один рисунок изображал красноармейца, пронзившего ножом сразу трёх фашистов, на другом — рядом с красноармейцем, стреляющим по врагу, был изображён чукотский охотник, сдающий песцовые шкурки в фонд обороны» [4]. Оба сюжета, подсказанные Вукволом, мастер-косторез Онно искусно воплотил на моржовом клыке и подарил свою работу Центральному музею Красной Армии в 1942 г.

Биография Вуквола ещё требует исследования, так как неизвестны обстоятельства и место гибели талантливого костореза, как и судьба его вузовского приятеля Николая Анкудинова, юноши из Маркова, чуванца, прошедшего дорогами войны до Праги и погибшего, по воспоминаниям односельчан, 11 мая 1945 г.

В период подготовки магаданской областной Книги Памяти была уточнена судьба его сверстников. Орест Брагин, уроженец Марково, тоже чуванец, служил в армии до войны и участвовал в походе Красной Армии в 1940 г. в Прибалтику, в частности в Литву. В трудном 1941 г. погиб под Москвой, но официально Центральный архив Министерства обороны СССР это не подтвердил. Данные о нем как о военнослужащем, погибшем при защите Отечества, ещё собираются. Есть только сообщение о гибели его родственника Петра Андреевича Брагина, служившего в 354-м танковом батальоне 161-ой танковой бригады. Младший сержант, механик-водитель танка сгорел в бою 4 июля 1942 г. за деревню Новосельскую в Курской области [5].

Любопытный факт из жизни коряка Аяйвача, обвинённого в 1937 г. по ложному доносу и осуждённому на 25 лет, сообщил Ю.С. Рытхэу: «Когда мне перевели на корякский, что я проведу в неволе 25 лет, мне показалось, что с неба светит не солнце, а кусок льда. Так мне стало страшно и холодно», — рассказывал писателю Аяйвач. Местом заключения ему определили лагерь прииска имени Расковой на Теньке. Как примерного заключённого его рекомендовали направить на фронт, когда началась война. Опытный стрелок, он быстро стал хорошим снайпером, заслужил ордена и медали, получил ранение и был демобилизован в связи с инвалидностью. Однако он уже не мог заниматься ни охотой, ни оленеводством, устроился лишь сторожем, причем работу искал в бывшем «своем» лагере. Эта трагическая история легла в основу одной из глав автобиографической повести Ю.С. Рытхэу «Путешествие в молодость или «Время красной морошки».

В 1942 г. ушёл в армию якут Митрофан Метаков. Бывший учитель из Таскана и инспектор национальных школ Колымы с 1937 по 1939 г. находился под следствием, обвинённый как участник контрреволюционной повстанческой организации, возглавляемой Э.П. Берзиным, одновременно привлекался к суду как представитель националистической якутской организации. Ему повезло, чекисты Магадана признали М.Г. Метакова невиновным — редкое признание тех лет. Не хватало явных доказательств его вины, несмотря на физические методы воздействия. Его сослуживец, бывший инспектор Колымского окрону А.В. Запатраев рассказывал в 1991 г. о своём товарище: «По своему характеру он был человек скромный, трудолюбивый, старательный, честный и прочих положительных качеств». Именно тогда Алексей Васильевич передал мне несколько фронтовых писем Метакова, адресованных ему в Магадан.

1 января 1945 г. М.Г. Метиков писал другу из действующей армии: «Ну и спасибо тебе, друже, наконец-то из ваших краёв получил весточку. Получил твоих два письма от июля и ноября месяца. Эти письма догнали меня в 20 км от Варшавы.

Лёша, родной, ты чепуховину порешь, когда говоришь, что вы остаётесь в долгу, как, вроде, отсиживаетсяесь... Наоборот, ты сейчас имеешь доминирующее значение. Да, я представляю себе, насколько ты устал. Сужу по себе. Помнишь, с каким трудом я уехал тогда? Я и сейчас не отдыхаю. Работаю много и ответственно. Нынче два раза был в Москве. В орденах хоть и не везёт, но доволен тем, что принимаю непосредственное участие в большом деле. Мой охотничий инстинкт помог очень многому. Ты знаешь, я очень много научил снайперов. Со многими держу связь, многие награждены. Ребята пишут с чувством благодарности.

Воевал за эти годы на Южном фронте, 1-м Украинском, дважды на 1-м Белорусском фронтах, скоро стану капитаном. Летом покалечился, поэтому пока временно вышел из строя, но, однако, вовсе не ушёл, хотя и была возможность. Воевать — так воевать. Война до победного конца... Сейчас стал штабным работником. Думаю добраться до Берлина. Если не довезут, то пешком дойду!»

В другом письме педагог-фронтовик сообщает в Магадан: «Вот сейчас пишу из преддверья фашистского логова — Берлина. Сегодня — завтра мы должны вторгнуться в его пределы. Штеттин капитулировал без боя — значит, наш удар по Берлину будет ещё сильнее. Самолёты наши немцам дают жизни предельно — чистосердечно. Сейчас над нами самолётов больше, чем птиц у вас.

После моего письма к тебе успел получить ранение в бою. За Торн, за ликвидацию немецкой группировки в Данциге и во время форсирования р. Одер. И все ранения настолько несерьёзные, что даже и в санчасть не ходил... Дорогой мой, мне ужасно не везёт с наградами, сколько пропало в связи с переходом соединений из фронта на другой фронт. Ну ладно, после войны разыщем. Имею до пяти личных благодарностей Сталина».

Читаешь эти строчки спустя 65 лет и понимаешь, с каким оптимизмом и достоинством воевал мой коллега, бывший репрессированный учитель. М.Г. Метиков сообщал Запатраеву, что заслужил орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», просил друга организовать ему вызов через крайону в Хабаровске: «С большим нетерпением жду того дня, когда снова буду в ваших рядах, и опять шуметь, гудеть, спорить и ругаться. Между прочим, с большим удовлетворением вспоминаю колымские дни работы. Колыма мне нравилась и будет нравиться всегда». После войны судьба забросила М.Г. Метикова в Тюменскую область, в город Нефтеюганск, где он работал ещё много лет.

Нам известно, что бывший студент Н.М. Слепцов воевал в отдельном партизанском истребительном батальоне 200-й дивизии 70-й армии 2-го Белорусского фронта, освобождал Польшу, участвовал в ликвидации Торнской группировки в Германии. Командовал огневым взводом. Однажды фашисты пытались выйти из окружения, но на их пути встала батарея лейтенанта Слепцова. Подойдя к орудиям метров на 200, немцы выкинули белый флаг и продолжали движение с поднятыми вверх руками. Пройдя ещё несколько десятков метров, передние ряды внезапно упали, а задние открыли огонь из автоматов и стали бросать гранаты. Слепцов не растерялся, приказал открыть ответный огонь, но разрывы гранат вывели из строя несколько орудийных расчётов. Тогда в рукопашной схватке артиллеристы разогнали вражеские цепи. Тяжёлое ранение лишило Николая ноги, и он вернулся на родину, в далёкую Колыму. Орден

Красной звезды и медаль «За отвагу» — свидетельство его военного мастерства и мужества [6].

Григорий Николаевич Зыбин, эвен, младший сержант, 1922 г. рождения, уроженец пос. Армань на Охотском побережье. Призван Ольским РВК в воинскую часть Морозова 29 июня 1942 г. На фронте — разведчик 2-го Дальневосточного фронта. Погиб в бою 13 августа 1945 г. Похоронен в деревне Ситоу (Маньчжурия) [5, с. 58].

Уходили северяне на фронт и из подразделений, которые, базируясь на Колыме и Чукотке, обеспечивали выполнение специального задания правительства — эксплуатацию Особой воздушной трассы Аляска — Сибирь, по ней перегоняли американскую боевую авиатехнику на Западный фронт, реализуя ленд-лизское соглашение между СССР и США. Один из первых уэленских комсомольских активистов и первых лётчиков-чукчей Тимофей Елков с начала войны обслуживал Особую воздушную трассу [7]. Неоднократно просился на фронт. Наконец, его послали учиться в Сасовское авиационное училище, которое он закончил в 1944 г., после чего в мае был зачислен в ряды Военно-Воздушных сил. Сражаясь в составе 566-го штурмового авиаполка 277-й штурмовой авиадивизии, он совершал боевые вылеты над Карельским перешейком, нанося ощутимые удары по военным объектам и живой силе противника. В начале летал на знакомом У-2 — ночном бомбардировщике, а позже — на штурмовиках ИЛ-2.

Тимофей писал с фронта жене : «Я чувствую, очень изменился здесь, на фронте, а что же и пора. В этом году мне ведь стукнет тридцать. Бегут года... И всё-таки даже здесь, на фронте, в перерыве между боями, я мечтаю. О чем? О дне, когда мы разгромим фашистов и кончится война, и мы вместе отпразднуем победу. И ещё я мечтаю о Чукотке, о нашем Уэлене, о встрече с моими чукотскими друзьями...» [8].

Разведка установила, что на железнодорожной станции Перти немцы разгружали эшелон с боевой техникой и боеприпасами. На задание вышло звено У-2 лейтенанта Михлика. Низкие облака словно придавили землю. Василий Михлик, приняв решение, передал приказ по радио: «Идём над самыми облаками. Ориентируйтесь на меня!» На подходе к станции Михлик пробивает облака. За ним следуют остальные. Заметив машины, гитлеровцы открывают огонь из зенитных орудий. Елков нажимает на гашетку пулемёта, и воздушное пространство прочерчивает пунктир трассирующих пуль. Одна из зениток захлёбывается, остальные бешено отстреливаются. Но фашисты в суматохе торопятся, и снаряды пролетают мимо. Лётчики выходят на цель, сбрасывают бомбы. Над эшелонем вспыхивает зарево, густой чёрный дым окутывает станцию. Пора уходить. Сделав крутой вираж, самолёт летит назад. Ещё во время атаки вражеский снаряд сделал пробоину в фюзеляже головной машины и повредил масляную систему двигателя. Задело и командира В. Михлика — он не мог пошевелить ногой.

«Тимоша, я ранен, — закусив губу, закричал командир. — Веди самолёт!»

Не мешкая ни секунды, Елков рванул управление на себя. Вокруг рвались снаряды, кабина наполнялась едким дымом, дышать тяжело. К тому же, вытекающая из мотора, масло через пробоины просачивалось в кабину и под действием ветра липким дождём стекало по лицу, по глазам. Чуткое ухо лётчика уловило, что мотор начал работать с перебоями, сбрасывает обороты. «Ничего, дотяну до аэродрома», — успокаивал Тимофей командира.

О благополучном исходе боя во фронтовом репортаже сообщила газета «Правда» 15 июня 1944 г.

Письма Т.А. Елкова о буднях войны для родных были добрым известием: «Фашисты стягивают свои войска и технику. А мы громим их сверху. Подъём в три часа ночи, в пять утра вылет. Научился быстро, по-военному укладываться».

Погиб Т.А. Елков над станцией Перти в Финляндии. Его желание — скорее победить — разделял чукотский лётчик Дмитрий Кагъевич Тымнетагин. Однажды с борта У-2, «небесного тихохода», Дмитрий вёл наблюдение за льдами в боевой зоне западного сектора Арктики, куда заходили подводные лодки противника. Они охотились за нашими транспортными судами. Время полёта подходило к концу. Самолёт делал последний разворот, и вдруг Тымнетагин внизу, между облаками, видит чёрную точку. «Лодка!» — догадался пилот. Очередной разворот прервала очередь вражеского крупнокалиберного пулемёта. Машину тряхнуло, мотор взвыл — повреждён винт самолёта. Тымнетагин сумел дотянуть машину до ближайшего аэродрома. Вечером командир авиаподразделения сообщил ему, что замеченная подлодка уничтожена, а за спасение самолёта и проявленное мужество командование представляет его к награждению орденом Красной Звезды.

Дмитрий успел ответить на письмо Елкова: «Мы с тобой чукчи, Тимофей. И так же, как наши русские братья, как украинцы и белорусы, как узбеки и латыши, мы люто ненавидим фашистов и обязаны защищать от них нашу родную советскую власть, которая открыла нам с тобой дорогу в небо...» Д.К. Тымнетагин был награждён медалями «За оборону Заполярья», «За Победу над Германией» и орденом Красной Звезды [9].

Основная часть призывников Колымы и Чукотки шла через районные военкоматы: Ольский, Северо-Эвенский, Среднеканский, Анадырский, Чаунский. В 1943—1944 гг. 102 лыжника-спортсмена с Чукотки были призваны в действующую армию, 32 комсомольца направлены в военные школы [10]. В посёлках Ольского района в октябре 1944 г. жили 122 семьи военнослужащих — родственники тех, кто воевал в Центральной России против Германии, кто освобождал Сахалин, Корею, Китай от японских захватчиков, кто охранял Охотское побережье [11].

Летом 1944 г. Северо-Эвенский райвоенкомат организовал призыв группы военнообязанных, в основном рабочих рыбных промыслов Охотского побережья. Ушли на фронт В. Духинов, В. Аруев, И. Гурин и А. Трахалев из Таватума, братья Семён и Степан Падерины из Наяхана, Костя Амагачан, Степан Буков, Иван Филимонов, Александр Хеуни из Гарманды, А. Буков и Г. Гинуни из Камешков. Среди призванных были два камчадала, остальные эвены. С ними уходили 20 русских добровольцев. Сопровождал группу призывников в Магадан работник райвоенкомата лейтенант Борейко [12].

К 1995 г. стало известно из сообщения Центрального архива Министерства обороны СССР о гибели Степана Прокофьевича Букова, рядового, 1922 г. рождения, призванного Северо-Эвенским РВК в воинскую часть, номер полевой почты — 74828. Он умер от ран 19 августа 1945 г. во фронтовом эвакуационном пункте в г. Хабаровске [5, с. 29].

В рабочую группу редколлегии областной Книги Памяти присылали документы, свидетельствующие о судьбе других коренных северян. Рядовой Ростислав Варрен, 1923 г. рождения, камчадал, учился в Ольской средней школе. Его призвали в армию 28 августа 1943 г., служил в 29-м мотополку. На фронте стал снайпером 757-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии. Погиб

в бою 28 февраля 1944 г. в Витебском районе Белоруссии, похоронен вблизи деревни Мяклово. Сын первых ольских интеллигентов — учителя И.А. Варрен и фельдшера К.В. Игнатъевой. В 1938 г. репрессировали по политическим мотивам, но юноша был воспитан в преданности советской власти и не посрамил чести своих родителей, просветителей Колымы [5, с. 15].

Старший лейтенант Иннокентий Николаевич Кочеров, эвен, уроженец Олы. До войны — активный комсомолец, внёсший значительный вклад в культурно-просветительскую работу среди земляков. Служил во время войны заместителем командира по разведке 2-й комендатуры 61-го морпогранотряда. Умер от болезни 10 декабря 1944 г. в Магадане [5, с. 74].

Герасим Семёнович Федотов, рядовой, 1917 г. рождения, уроженец Ольского района, эвен. Призван в 29-й мотополк 18 августа 1943 г. Ольским РВК. Погиб в бою 4 января 1944 года. Его биография тоже требует дополнительно изучения [5, с. 141].

Иннокентий Черных, один из лучших старшекласников Тауйской школы, отличался не только на учебных занятиях, но и на стрелковых соревнованиях. Прирождённый охотник и рыбак, молодой камчадал мечтал стать геологом и окончил Охотско-Колымский техникум в Магадане. Начал работать по специальности, но в сентябре 1941 г. был призван Ольским райвоенкоматом в армию. В начале служил в Комсомольске-на-Амуре в 24-м мотополку. Освобождал Украину, Белоруссию, был в Венгрии, Румынии, Австрии. Подвиги юноши с Охотского побережья отмечены 17 благодарностями Верховного Главнокомандования, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией». Своим землякам, любимой девушке на Колыму он писал стихи, пусть наивные, но искренние: «Я живу там, где рвутся снаряды, где идёт за страну жаркий бой. И в боях от зари до зарницы я живу и дышу лишь тобой». «...Танк, винтовка, снаряд, пулемёт... Только слышу я выстрелы, взрывы. Нас народ на победу зовёт!» [13]. Много лет после Победы И.И. Черных работал в Ольском райисполкоме. Его племянник, Аркадий Попов попал на фронт вместе со своими одноклассниками из Магадана. До этого прошёл обучение в Томском артиллерийском училище, где также получал военную специальность Н. Слепцов, сын эвенского оленевода из Эсчана. Знания и навыки артиллериста помогли А.Г. Попову в боях на нескольких фронтах. Он защищал Крым, сражался в Севастополе, освобождал Молдавию в рядах дивизии Резерва Главного Командования. Вернулся в Тауйск офицером, кавалером орденов Красной Звезды, Отечественной войны [14].

Не повезло земляку А.Г. Попова — Поликарпу Годяеву. Уроженец Тауйска, камчадал, на фронте — стрелок 234-й отдельной штрафной роты 5-й армии. Перед войной грамотного и инициативного юношу из Армани направили работать продавцом, в 1940 г. он заведовал магазином в Талоне. Из-за допущенной служебной растраты понёс наказание — был осуждён. Освободился в феврале 1943 г., а в ноябре Ольским РВК был направлен в 158-запасной стрелковый полк на станцию Мучная в Приморье. Оттуда начался его боевой путь. В одном из последних его писем родным есть такие строчки: «Привет, дорогая Надя и братик Васёк. Живу хорошо, здоров. Ехал до места полтора месяца. От фронта (передовой) нахожусь в 15—20 км, скоро пойдём в бой уничтожить немцев. Поцелуйте детей за меня. Здесь очень тепло. Дождь, а у нас на Колыме, наверное, большой снег...» [15]. Письмо было датировано 28 января 1944 г., а в феврале он погиб под Витебском, у деревни Шугаево.

Рядовой Прокопий Егорович Бабцев ушёл на фронт, пройдя в 1943 г. курс молодого бойца в 29-м мотополку. На фронте двадцатилетний эвен из Бараборки служил в 88-м артиллерийском полку. Менее года находился в действующей армии, мужественно воевал, был ранен. От полученных ран скончался 25 июня 1944 г. в медико-эвакуационном пункте. Похоронен в г. Новозыбкове Орловской области на городском железнодорожном кладбище [5, с. 20].

Чукчи одного из стойбищ Нымынганской тундры, с которыми кочевал учитель Ларионов, бывший одновременно и секретарём кочевого Совета, узнали о войне спустя пять месяцев, когда до них добрались представители Чаунского райисполкома. Лучший охотник стойбища Нуманкай обратился с просьбой отправить его на фронт. Мать Нуманкая, долго не получая известий, забеспокоилась и по сложившейся давней родовой традиции погадала на костях оленя. Гадание Умальгуль показало, что Нуманкаю плохо, что, возможно, его уже нет в живых. Встревожилось всё стойбище. Учитель напрасно старался утешить людей. Старик Ультэм сказал: «Чукчи, вот и из нашего народа убил одного зверь — немец... Ты напрасно говоришь добрые слова, учитель, они не нужны. Закон тундры один: если зверь убил человека — чем сможешь и сколько сможешь, бей за него зверя!».

Через несколько дней в ярангу Совета приехал Пильтыргин и сказал: «Ты только пойми меня, учитель! Я из рода Нуманкая... Наши отцы братьями были. Когда одного из рода нет — другой за него встаёт. Нуманкая нет, кто за него на войне встанет? Я там встану, я буду Нуманкай. Пиши мне бумагу». С такой же просьбой обратились Емкай, Кельгэ, Кукуэм и даже хромой Уэнкай. Об этом сообщила газета «Тихоокеанская звезда» 24 ноября 1943 г.

А Нуманкай, вопреки гаданию, остался жив, участвовал в боях на Волге, но дальнейшая его судьба неизвестна.

Анадырец Иван Матвеев в школе увлекался музыкой, руководил оркестром, мечтал окончить консерваторию и стать хорошим музыкантом. Война нарушила его планы. Год он учительствовал в Танюрерской тундре, работая в красной яранге. Затем через Анадырский РВК добился направления в действующую армию. О гибели Ивана Матвеева сообщил Пётр Драпак, служивший с ним в одной части. Об этом рассказала Н.А. Матвеева, сестра Ивана: «Петя писал, что мой брат погиб во время миномётного обстрела, пытаюсь прикрыть своего товарища. Случилось это 8 июня 1943 г. под Курском. А потом только получили из части «похоронку».

На Курской дуге оборвалась жизнь инспектора райфинотдела из Уэлькаля Семёна Нупатагина. Не дождался его земляки и чукчи Элетегина. Только эскимосу Капутки повезло. Он встретил победу и вернулся в родной Уэлькаль.

Старожил Чукотки Н.И. Орлов, уроженец эскимосского селения Наукан, сообщил мне, что его земляка эскимоса Акосека взяли в армию из лагеря, он прошёл всю войну и якобы погиб под Берлином. Только Калескатегин, его односельчанин и тоже бывший заключённый, участник войны с Японией, вернулся домой с орденом Красной Звезды и свободным гражданином [14, с. 36]. Но ждут документального подтверждения сведения о гибели на фронте весёлого, любознательного эскимосского юноши из Наукана, работника полярной станции «Уэлен» Лайвокана и его друга Акосека.

В опубликованном 19 марта 1942 г. в газете «Советская Чукотка» письме с Западного фронта бывший учитель энмеленской школы Кергинто писал: «Родные мои, только сначала было страшно, но мы так хорошо в них попадаем,

бъём без промаха, стреляем в фашистов метко, как в нерпу. До двадцати гитлеровцев я насчитал, а потом некогда стало, потерял счёт, сколько уничтожил. Сейчас я ранен в ногу, но за меня не беспокойтесь. Вылечусь, пойду опять бить фашистов и не успокоюсь до тех пор, пока их не уничтожим! Я жизни не пожалею, чтобы отстоять то, что мы, чукчи, получили от советской власти». Кергинто не вернулся с полей боёв, но помнят о нем земляки. Они написали о нем и его односельчане Ятыргине, тоже ставшем на фронте пулемётчиком и погибшем, хорошую песню.

Офицер запаса из Билибино, строитель С. Процей, вспоминая фронтовые будни миномётной роты 89-й стрелковой дивизии, тепло отозвался о своём однополчанине, чукотском юноше Нольтыргине: «В нашей роте Нольтыргин появился в апреле 1945 г., когда мы готовились к прорыву обороны противника на р. Одер. Но особенно я запомнил его в дни ожесточённых боёв за Берлин. На одной из улиц фашистской столицы мы более суток не могли продвинуться вперёд. В связи с этим тактика боя была изменена. Были созданы штурмовые группы из трёх — четырёх человек каждая. Рядовой Нольтыргин попал в мою группу.

Нам было дано задание уничтожить огневую точку в подвальной части пятиэтажного дома... Нольтыргин бросил противотанковую гранату и после её взрыва первым ворвался в подъезд. Более двадцати убитых немцев лежало на бетонном полу. Огневая точка была уничтожена [16].

Значительная часть представителей коренных народов Севера, призванная в 1941—1945 гг. в армию, служила на Дальнем Востоке, в частности, во 2-й отдельной стрелковой бригаде, сформировавшейся в Магадане, где находились 499-й и 540-й стрелковые полки, 61-й Нагаево-Магаданский морпогранотряд, Нагаевский сектор береговой обороны. Кроме того, в посёлке Дебин дислоцировался 22-й стрелковый полк НКВД, в нем наряду с вольнонаёмными дальстроевцами, служили коренные северяне [17].

Любопытна биография чукотского юноши Михаила Атата. Перед самой войной он окончил лаврентьевскую школу, затем в Петропавловске-Камчатском — культпросветучилище. Музыкально одарённый парень мечтал продолжить образование. Однако с началом войны его призвали служить в органы госбезопасности. Только в 1944 г. удовлетворили настоятельные просьбы Ататы о направлении его на фронт. Он принял участие в войне с Японией в составе разведроты. Разведчики полюбили его, баяниста и песенника, уважали за смелость и воинское мастерство.

Перед наступлением необходимо было срочно захватить «языка». Но это не так просто: при малейшем шуме самураи открывали бешеную стрельбу. Попытка разведчиков проскочить через линию фронта не увенчалась успехом. «Кого ж послать?», — думал командир. Выбор пал на Михаила: ни разу ещё он не возвращался, не выполнив задания. В первую половину дня изучали местность, намечали пути скрытного перехода через вражескую линию обороны. Под покровом ночи разведчики тронулись в путь. Бесшумно преодолели нейтральную полосу и приблизились вплотную к расположению врага. Впереди маячил силуэт здания, слышался рокот машин. Разведчики подползли ближе. У входа стояли часовые. «Не спешите, — предупредил Атата товарищей, — нам поважнее птицу надо, кого-нибудь из офицеров». Он незаметно подполз к зданию, прямо к окну, и заглянул внутрь. За столиком сидел японский офицер и что-то писал: «Вот этого и доставим в штаб!» — решил Михаил. По его

сигналу бесшумно сняли часовых. Атата приоткрыл дверь. При тусклом свете японцы приняли его за своего. Офицер даже не обернулся в сторону разведчика. Михаил дал знак товарищам. Мгновение... и связанный самурай был выведен из дома.

«Язык», конечно, был доставлен в штаб. Сведения, полученные от пленного офицера, оказались на редкость ценными. Рядового М. Атату за выполнение задания наградили медалью «За отвагу». Вручал боевую награду Маршал Советского Союза Р. Малиновский [18].

Февраль 1944 г. был памятным для Колымы и Чукотки. В Магадане и Анадыре проходили встречи северян с земляками-фронтовиками. Участники готовы были к новым битвам во имя грядущей победы. Война — страшное испытание для нашей страны и народа. Жители тайги и тундры, представители окраинных районов России, оправдывали доверие государства, защищали свободу и независимость Отечества. Некоторые из них, пройдя лагерными этапами, не ожесточились на власть, верили в социальную справедливость и достойно прожили свою жизнь. Всем нам, живущим в XXI в., надо помнить о том поколении — Победителей 1945 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балицкий В., Кисличко В. В едином сплочённом строю // Дальний Восток. 1975. № 5. С. 60.
2. Никитина О. Жизнь как песня // Магадан. комсомолец. 1986. 12 июня; Рытхэу Ю. Рисунок на бивне // Советская Чукотка. 1970; Бондаренко В. Художник, гражданин, солдат // «Советская Чукотка» от 12.02.1975; Воскобойников М. Вуковол и Скорик // «Советская Чукотка» от 16.07.1978.
3. Рытхэу Ю. Навечно в нашей памяти // «Советская Чукотка» от 17.02.1985.
4. Широков Ю. Чукотский художник Вуковол // Записки Чукотского краеведческого окружного музея. Магадан, 1973. № 6.
5. Вспомним всех поимённо. Магадан, 1995. Кн. 1. С. 15, 27—29, 58, 74, 141.
6. Время. События. Люди. Магадан. 1970. Вып. 3. С. 175.
7. Райзман Д. Крылатый сын Чукотки // Памятники истории и культуры Колымы и Чукотки. Магадан, 1971. С. 162—167.
8. Рухлов К. Звёздные каюры // Советская Чукотка. 1980. 13 июля.
9. Бондаренко В. Боевые вылеты «Воздушного каюра» // Советская Чукотка. 1975. 4 февр.
10. Гарусов И. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки. Магадан, 1981. С. 147.
11. Советы Северо-Востока СССР (1941—1961): сб. док. и материалов. Магадан, 1982. Ч. 2. С. 82.
12. Козлов А. Мы помним их имена // Маяк Севера. Эвенск, 1982. 9 мая.
13. Советская Колыма. Магадан, 1944. 23 февр.
14. Райзман Д. И. Помним вас, земляки. Магадан, 2005. С. 36.
15. Козлов А. Я и жизни не пожалею // Магадан. правда. 1995. 31 янв.
16. Процей С. Где ты, фронтовой друг? // Магадан. правда. 1968. 13 февр.
17. Райзман Д. И. Призывники Колымы и Чукотки на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн // Социально-экономическое развитие Северо-Востока России: вызовы XXI века: материалы Второй межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию образования г. Магадана. Магадан: «Кордис». 2005.
18. Поломошнов И. За языком // Советская Чукотка. 1975. 27 июля.